

RU

Карельское vs русское в происхождении понятий «боль» и «болезнь» в языке карелов

Пашкова Т. В., Пашков Н. Н.

Аннотация. Цель исследования – определение происхождения именований, номинирующих ‘боль’ и ‘болезнь’ в карельском языке. В статье, с одной стороны, анализируется этимология диалектизм со значением болевых ощущений и состояния недомогания в карельском языке во взаимосвязи языкового и культурного контактирования карелов и русских. С другой стороны, рассматривается семантика идентифицированных лексем в процессе их адаптации в карельском языке. Научная новизна исследования видится в определении происхождения и особенностей семантических и мотивационных принципов номинации лексического гнезда со значением болезненного состояния организма. В результате исследования выявлены 11 наименований, имеющих семы ‘боль и/или болезнь’. Все анализируемые лексемы заимствованы в карельский язык в данном значении из русского, что указывает на тесное контактирование карелов и русских и, соответственно, на взаимовлияние карельского и русского языков. Процесс заимствования обусловил фонематическую трансформацию лексем, обусловленную необходимостью адаптации к фонетико-орфоэпическим нормам карельского языка.

EN

Karelian vs. Russian in the origin of the concepts of “pain” and “disease” in the language of the Karelians

T. V. Pashkova, N. N. Pashkov

Abstract. The study aims to determine the origin of names designating ‘pain’ and ‘disease’ in the Karelian language. On the one hand, the article analyzes the etymology of dialectisms with the meaning of pain sensations and a state of malaise in the Karelian language in relation to the linguistic and cultural contacts of Karelians and Russians. On the other hand, the semantics of identified lexemes is considered in the process of their adaptation in the Karelian language. The scientific novelty of the research is seen in determining the origin and characteristics of the semantic and motivational principles of nomination of the word family with the meaning of a painful state of the body. As a result of the study, 11 names with the semes ‘pain and/or disease’ were identified. All the analyzed lexemes were borrowed into the Karelian language in this meaning from Russian, which indicates close contact between Karelians and Russians and, accordingly, the mutual influence of the Karelian and Russian languages. The borrowing process led to the phonematic transformation of lexemes, due to the need to adapt to the phonetic and orthoepic norms of the Karelian language.

Введение

Актуальность данного исследования видится в необходимости изучения взаимосвязей карельского и русского языков и их взаимодействия друг с другом. На протяжении последних десятилетий в финноугроведении наблюдается устойчивый интерес к исследованию языкового контактирования на лексическом и грамматическом уровнях, динамике взаимовлияния языков на разных исторических этапах. Языки миноритарных народов нуждаются в особо тщательном изучении в связи с их функционированием и развитием в условиях доминантного – русского – языка.

Поставленная к исследованию цель предполагала решение ряда задач: сбор лексем с семантикой ‘боль/болезнь’ из опубликованных карелоязычных и русскоязычных диалектных словарей и электронных языковых баз; анализ этимологии и семантики лексем, обозначающих боль и болезнь в диалектах карельского языка; определение деривационных морфем, используемых при словообразовании существительных; выявление взаимовлияния русского и карельского языков при формировании исследуемого лексического гнезда.

Исследование проводилось посредством различных методов, способов и подходов: метод лексикографического анализа использовался при определении семантики и этимологии посредством обширного ряда словарей; метод сплошной выборки применялся при сборе лемм из опубликованных источников и электронных языковых баз; этимологический подход использовался при рассмотрении происхождения идентифицированных лексических единиц; компаративный метод применялся при сравнении анализируемых наименований.

Материалом для исследования послужили лексикографические источники (образцы карельской речи, диалектные словари карельского языка, диалектные словари русского языка), электронные языковые базы по карельскому и русскому языкам.

Одной из задач данного изыскания является этимологизация рассматриваемых наименований, достижение которой осуществлялось с опорой на сведения этимологического словаря финского языка (*Suomen sanojen alkuperä*; 2000). В этом источнике представлены сведения об этимологии лексем, вариативность в финно-угорских и прибалтийско-финских языках, включая наречия карельского языка.

Теоретической базой исследования стали научные труды, посвященные различным аспектам прибалтийско-финского – и шире – финно-угорского, а также славянского языкознания (Выстропова, 2019; Глотова, Москвина, 2022; Нахрачева, 2020). В статьях известных вепсологов Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой (2019а; 2019b) рассматриваются проблемы взаимодействия и взаимовлияния вепсского и русского языков на лексическом уровне. К проблеме адаптации русскоязычной лексики в карельском языке обращаются В. А. Иванова и Л. А. Ульяницкая (2022). Исследовательница хантыйского языка Ф. М. Лельхова (2011; 2018) в своих научных трудах анализирует проблемы номинации и семантики состояния болезни в хантыйском языке.

Практическая значимость определена возможностью использования полученных результатов в научных исследованиях в области лексикологии, диалектологии, этнолингвистики, а также в лекционных и практических курсах по карельскому и русскому языкам.

Обсуждение и результаты

В карельском языке для номинации термина ‘болезнь’, не имеющего иррациональной (или мифологической) подоплеки, используется достаточно широкий лексический ряд. Так, например, в диалектных вариантах термин ‘болезнь’, не имеющий иррациональной (или мифологической) составляющей, обозначают достаточно обширным лексическим рядом. Среди зафиксированных в лексикографических источниках сведениях определяется более 20 лексем с семантикой ‘болезнь/недуг’, имеющих различное происхождение и обозначающих, помимо упомянутых значений, и основной симптом болезни – ‘боль’. Среди этих лексем группу древнерусских или северно-русских заимствований составляют 11 наименований, отражающих взгляд народа на заболевание, основными составляющими которых являются ‘боль, страдание, беда, какая-то неисправность организма, лежание в постели’. Рассмотрим эти понятия.

Лексико-семантический вариант ‘болезнь’:

boul'es't'i / bol'est'i / bolesti (ск. диал.); *bool'es't'i / bol'esti / bol'ezn'u* (ск. диал.; ливв. диал.); *bol'ezn* (люд. диал.) ‘болезнь’ (*Karjalan kielen sanakirja*; Словарь карельского языка..., 1990, с. 28; Virtaranta, 1986, р. 115; Слушаю карельский говор..., 2001, с. 36; Virtaranta, 1994, р. 14). Происходит от русского слова *болезнь*. В Национальном корпусе русского языка обнаружены следующие примеры с упомянутой лексемой: «Что омрачает ум, расслабляет сердце, тело *болезнями* тягчает? Пиянство» (Яворский С. Риторическая рука. 1705 (НКРЯ)); «...И холодно, и голоден как зверь я... *Болезни* – это больше докторов... Подворье грандиознее преддверья...» (Бродский И. А. Горбунов и Горчаков. 1969 (НКРЯ)).

läsimini / läzimini / l'äz'imin'e (ск. диал.); *läzimine* (ливв. диал.) ‘болезнь, хворь’. Наименования образованы от производящей основы глагола *lässie (läsi-)* / *läzie (läzi-)* (ск. диал.); *läzie (läzi-)* (ливв. диал.) ‘болеть, хворать’ посредством словообразовательного аффикса *-mini* / *-mine* со значением названия или результата действия (Зайков, 1999, с. 105) (ср. также вепсское понятие *lažuda*, заимствованное из русского языка *лежать* (*быть больным*) (Зайцева, 2019, с. 321).

läsintä / läsindy (ск. диал.); *läžindy* (ливв. диал.) ‘болезнь, хворь’ (*Karjalan kielen sanakirja*). Девербальные наименования образованы от карелоязычных глаголов *lässie (läsi-)* (ск. диал.); *läzie (läzi-)* (ливв. диал.) ‘болеть, хворать’ с помощью суффиксов *-ntä* / *-ndy* со значением названия или результата действия (Зайков, 1999, с. 105). Национальный корпус русского языка предлагает следующие примеры: «Однако у Рублева была семья – неработавшая жена и мать-покеристка. *Лежа, болея*, порой умирая, он работал. Лежа принимал гостей» (Слуцкий Б. А. Из письменного стола. 1960-1977 (НКРЯ)); «*Лежу, болею*, но не слабеет жажда [жизни] самой обыкновенной, уходящей корнями в самую обыкновенную унавоженную землю» (Шварц Е. Л. Дневник. 1957 (НКРЯ)); «Она замѣщала у насъ земскую учительницу Христофорову, когда та *лежала больная* тифомъ» (Лейкин Н. А. В родном углу. 1905 (НКРЯ)). С целью идентификации леммы *лежать* с семантикой ‘болеть’ запрашивался поиск на значения и ‘лежать’, и ‘болеть’. Были получены результаты найденных текстов, в которых приводятся примеры, где человек лежит по причине недомогания. Таким образом, из примеров видно, что они не совсем точны по отношению к карелоязычным вариантам.

nuuda / nuudu / n'uudo (Словарь карельского языка, 1990, с. 235; *Karjalan kielen sanakirja*) (ливв. диал.) ‘болезнь, хворь, недуг’. Лексема *nuuda* заимствована из русского языка (ср. русс. диал. *нуда*). Русскоязычный диалектизм *нуда* полисемантичен. Среди прочих значений – ‘крайнее стеснение, неволя, гнёт, принуждение,

худое житье' – наименование используется для обозначения таких заболеваний, как 'немочи телесные, свороба, короста, чесотка; длительная дурнота, тошнота' (напр., *изнимает на чужбине нуда, чесотка; натошак нуда донимает, знать от глистов* (о тошноте) (Толковый словарь живаго...)). По сведениям из Национального корпуса русского языка, слово *нуда* употребляется в разных значениях, обуславливающих вхождение лексемы в разные тематические группы. Так, например, у В. М. Гаршина находим: «Вовсе она не подлая: лишь бы только можно было поспевать насчет университета как-нибудь, а то ведь писанье, да еще по критике, приносит пользу едва ли меньшую (для головы), чем *нуды* записок» (Гаршин В. М. Письма Е. М. Гаршину. 1882 (НКРЯ)). Здесь значение переносное, но основанное на первоначальном. У Тютчева также есть интересное словоупотребление: «Такая *нуда*, как этот Ашанов, чего доброго, и ее потянет к ответу», – подумал я и смолчал» (Тютчев Ф. Ф. Кто прав? (Из одной биографии). 1892 (НКРЯ)) (прим. авторов: т. е. о человеке скучном, занудном, дотошном).

nuuvahko (Karjalan kielen sanakirja) (ливв. диал.) 'болезнь в легкой форме'. Наименование образовано от лексемы *nuuda*, заимствованной от русскоязычного диалектного слова *нуда*. Деноминальное слово *nuuvahko* является производным существительным от производящей слабоступенчатой основы *nuiva-* посредством суффикса *-hko*. По мнению финляндского лингвиста Л. Хакулинен (1953, с. 302), аффикс *-hko* (или его переднеязычная версия *-hko*) имеет прямые соответствия в окончании компаративного падежа мордовских языков: эрзя-мордовское *кудось пандошка* 'дом с гору'. Мордовскому *ш* соответствует в прибалтийско-финских языках *h*.

nuuži (Словарь карельского языка, 1990, с. 235; Karjalan kielen sanakirja) (ливв. диал.) 'болезнь, недуг, хворь'. В коткозерском диалекте ливвиковского наречия болезнь обозначают лексемой *nuuži*, которая, вероятно, является лексической калькой русского слова *нужа*. Стоит отметить, что в диалектах русского языка лексема не бытует в значении физического недомогания, а используется с семантикой 'недостаток в самых необходимых житейских потребностях, крайность, бедность, голод, горькая и тяжелая жизнь' (Толковый словарь живаго...): «А тебе принес я, странница, медвяный сот, твою *нужу* великую видючи, о слезах твоих сокрушаючись!» (Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. 1856-1857 (НКРЯ)); «Перед ними – не нуждаемся. *Нужа* пригонит к поганой луже. Пыху сбавить» (Толстой Л. Н. Записные книжки. 1873-1879 (НКРЯ)); «Приходилось терпеть и стужу и всякую *нужу*» (Наживин И. Ф. Глаголют стяги. 1935 (НКРЯ)).

priičša / briičša / priičši (ливв. диал.) 'вред, неприятность, сопротивление, болезнь, затруднение, нехватка; иносказание, притча' (Karjalan kielen sanakirja). В собственно карельском наречии карельского языка лексема *priičša* используется только в значении 'иносказание; притча' (Словарь собственно-карельских..., 2009, с. 464). Наименование пришло в карельский язык из русского (ср. рус. диал. *притча/притка*). Семантика русскоязычного диалектизма предполагает некое упоминание о болезнях: 'внезапная болезнь, о которой говорят, что это припадок или схватило; женская болезнь, выражающаяся в истерике или обмороке; болезнь черная немочь или падучая болезнь; болезнь банная притка или хворь, приставшая в бане; порча, сглаз, призор' (Толковый словарь живаго...). В Национальном корпусе русского языка предложен следующий пример: «А про всякую вину: по уху, ни по видению не бити; ни под сердце кулаком; ни посохом не колоть; ни каким железным или деревянным не бити: кто с сердца или с кручины так бьет, – многи *притчи* от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст; и главоболие, и зубная болезнь: а у беременных жен и детям повреждение бывает во утробе; а плетью, с наказанием, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово» (Буслаев Ф. И. Повесть о горе и злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. 1856 (НКРЯ)).

pričinä (ск. диал.); *pričinä / bričinä* (ливв. диал.) 'причина; несчастье; легкая форма болезни; сглаз (мифологическое); дефект' (Karjalan kielen sanakirja). Именованье является лексической калькой русского диалектизма *причина*. В диалектах русского языка слово полисеманлично: неприятность, странный случай, напасть, несчастье; сглаз, порча, болезнь; вина, проступок; работа, задача; затруднение, препятствие; недостаток, порок (Словарь русских народных говоров, с. 60-61). В Национальном корпусе русского языка не обнаружено леммы *причина* с семантикой 'болезнь'.

Лексико-семантический вариант 'боль':

trevooga / trevooga (ск. диал.); *trevoogu / trevooga* (ливв. диал.) 'боль, расстройство, тревога'. Лексема заимствована из русского языка **тревога*, где является deverbальным именованием, образованным от глагола *тревожить* с семантикой 'беспокойство, забота, суета, смятение, сполох; испуг, суматоха, внезапный шум' (Толковый словарь живаго...): «Никак не мог собраться. Какая-то непонятная *тревога*». Подумалось об отце (Волков А. Миры Стивена Хоукинга. 2003 (НКРЯ)). «О, ежели бы ты знала, какая теперь во мне *тревога*, когда смотрю я на твои бодрые очи» (Фонвизин Д. И. Бригадир. 1783-1786 (НКРЯ)). «Иногда овладевало им сомнение: точно ли выражение лица ее было так благосклонно, – и тогда он на минуту останавливался, но сердечное биение, непреодолимая сила и *тревога* всех чувств стремилась его вперед» (Гоголь Н. В. Невский проспект. 1835 (НКРЯ)). «И в этот раз опять была молодая кровь в нем взыграла, взволнованные чувства породили бурные, черные мысли, доводившие его до отчаяния; но спокойная совесть вскоре одолела эту душевную *тревогу*, малодушие было побеждено, и доблестное мужество одержало верх» (Даль В. И. Павел Алексеевич Игровый. 1847 (НКРЯ)).

truuta / truta / truuda (ск. диал.); *truudu / druudo / truudo* (ливв. диал.) 'боль, усилие, беда, беспокойство'. Рассматриваемое именование происходит от русскоязычного диалектизма *труд*. В диалектах русского языка данное слово, помимо обозначения трудовой деятельности (физической и научной), функционирует и со значениями 'болезнь, боль, хворь, хвороба, недуг, немочь, хиль, в целом нездоровье' (Толковый словарь живаго...). Во время поиска примеров из Национального корпуса русского языка была задана комбинация 'труд + болезнь', результатом чего стало большое количество отсылок к церковным текстам: «Одно только для тебе нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все труд и болезнь» (Сковорода Г. Начальная дверь ко христианскому

добронравию. 1766-1780 (НКРЯ)). «Вот точный яд аспидов, жало греховное, язык змиин, низводящий Адама в труд и болезнь!» (Сковорода Г. Наркисс. 1760-1769 (НКРЯ)). «Сим даром божественным церковь христианская по справедливости признает себя одолженною усердию, ревности, трудам, и болезням ныне празднуемых Апостолов Петра и Павла» (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день святых Апостол Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорскаго Высочества. 1768 (НКРЯ)).

Группа номинаций со значениями 'боль и болезнь':

tuska (ск. диал.); *tusku* (ливв. диал.); *tusk* (люд. диал.) 'болезнь, боль, ломота в суставах' (Karjalan kielen sanakirja; Virtaranta, 1963, p. 70). Бытующие во всех наречиях карельского языка лексемы *tuska* / *tusku* / *tusk* заимствованы из русского языка от многозначного существительного *тоска* 'томление души, стеснение духа, мучительная грусть; беспокойство, душевная тревога, скука, боязнь, печаль, горе, скорбь, нойка сердца' (Толковый словарь живаго...). Также в северных новгородских, архангельских, псковских диалектах наименование *тоска* используется с семантикой 'болеть по чему-либо душой, сильно грустить, скучать, неутешно горевать, сохнуть сердцем, скорбеть, изнывать; мучиться телесною хворью' (Толковый словарь живаго...). Унаследованный от русских карелоязычный термин *tusku* претерпел семантическую трансформацию: помимо обобщенного названия 'болезнь', он стал обозначать и конкретное недомогание 'ломота в суставах'. Примечательно, что в вепсском языке слово *tusk* сохранило его первичную семантику 'скука, печаль, тоска; болезненное чувство душевной горечи, мучительной грусти, возникающее у человека в результате потери близких людей, утраты, несчастной любви' (Винокурова, 2015, с. 437; Новый вепско-русский словарь, 2010, с. 431; Suomen sanojen alkuperä, 2000, p. 338). В Национальный корпус русского языка включены следующие примеры: «Ипохондрическую болѣзнь обыкновенно заключали подѣ общимъ именемъ тоски, или болѣзни сердца, а у женскаго полу подѣ именемъ матки» (Реди Ф. О ипохондрической болѣзни // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Июнь, 1755 года. 1755 (НКРЯ)). «Жена: Параша и так горюет: она умрѣт с тоски» (Плавильщиков П. А. Сговор Кутейкина. 1789 (НКРЯ)). «Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника» (Гоголь Н. В. Старосветские помещики. 1835-1841 (НКРЯ)).

Таким образом, в диалектах карельского языка зафиксировано 11 лексем (без учета фонетических трансформаций), составляющих группу древнерусских или северно-русских заимствований. Данные наименования отражают взгляд народа на заболевания, основными составляющими которых являются 'боль, страдание, беда, какая-то неисправность организма, лежание в постели'.

Заключение

Итак, в рамках представленного исследования рассмотрено 11 наименований, имеющих семы 'боль и/или болезнь'. Данное лексическое гнездо с точки зрения семантики в карельском языке представлено тремя группами: со значением 'болезнь' (8 наименований), со значением 'боль' (2 лексемы) и со значениями 'болезнь, боль' (1 слово). Леммы идентифицировались посредством метода сплошной выборки из опубликованных карелоязычных и русскоязычных диалектных словарей и электронных языковых баз.

С точки зрения этимологического анализа все рассматриваемые карелоязычные наименования заимствованы из диалектов русского языка. При адаптации в языке карелов в заимствованных лексемах произошли фонетические трансформации.

Ряд лексем образован от производящих основ глагола *lässie* (*läsi-*) / *läzie* (*läzi-*) и существительного *nuuda* посредством словообразующих аффиксов *-mini* / *-mine*, *-ntä* / *-ndy* и *-hko*.

При формировании исследуемого карелоязычного лексического гнезда выявлено взаимовлияние русского и карельского языков, что обусловлено тесным контактированием народов, проживающих длительное время на одной территории.

В рассматриваемой проблематике представляется возможным наметить перспективы дальнейшего исследования: привлечь архивные данные, собрать полевые материалы от носителей карельского языка, сопоставить собранный языковой материал с данными близкородственных карельскому прибалтийско-финских языков.

Материалы исследования | Research materials

1. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>
2. Новый вепско-русский словарь = Uz'vepsä-venälainevajehnik / сост. Н. Г. Зайцева. Петрозаводск: Периодика, 2010.
3. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.
4. Словарь русских народных говоров. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkih-narodnyh-govorov/>
5. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: Книгоград, 2009.
6. Слушаю карельский говор: образцы речи держанских и валдайских карел / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001.
7. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. <https://www.slovardalja.net/?ysclid=mekmacxti9152317173>

8. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi
9. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 2000.
10. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki, 1963. Osa II.
11. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki, 1994. Osa VI.

Источники | References

1. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015.
2. Выстропова О. С. Признаки номинации болезней в диалекте скотс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.19>
3. Глотова Е. А., Москвина В. А. Осмысление болезни в фольклоре и лингвокультуре Омского Прииртышья: к вопросу об универсальных концептах и глобальных компетенциях в региональном пространстве // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (37). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-73-78>
4. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999.
5. Зайцева Н. Г. Именованное понятие 'болеть (ощущать боль)' // Зайцева Н. Г. Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019.
6. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Вепсская свадебная терминология в этимологическом и лингвогеографическом аспектах (вепское vs. русское) // Научный диалог. 2019а. № 10.
7. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Вепское vs русское в происхождении наименований понятий «корзина» и «ушат» в языке вепсов (на материале ЛАВЯ) // Финно-угроведение. 2019b. № 60.
8. Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики // ДИСКУРС. 2022. Т. 8. № 1. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157>
9. Лельхова Ф. М. Вопросы номинации болезней в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 4 (2).
10. Лельхова Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Вестник угроведения. 2011. № 1 (4).
11. Нахрачева Г. Л. Глагольные метафоры боли в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-292-302>
12. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
13. Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas läksit karjalainen: matkamuiistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Söderström, 1986.

Информация об авторах | Author information

Пашкова Татьяна Владимировна¹, д. ист. н., к. филол. н., доц.
Пашков Никита Николаевич²
^{1, 2} Петрозаводский государственный университет

Tatjana Vladimirovna Pashkova¹, Dr, PhD
Nikita Nikolaevich Pashkov²
^{1, 2} Petrozavodsk State University

¹ tvpashkova05@mail.ru, ² n1kita-1910@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.09.2025; опубликовано online (published online): 15.10.2025.

Ключевые слова (keywords): лексика карельского языка; русскоязычные заимствования; номинация боли; лексема «болезнь»; фонематическая трансформация; Karelian language vocabulary; Russian-language borrowings; nomination of pain; lexeme “disease”; phonematic transformation.